

ИТАЛИЯ

1

Италия, ты стала мне чужой,
Твои достоинства — все в прошлом,
Сегодня ты в наряде пошлом,
Служанка рядом с госпожой.

Ты джинсы носишь, не парчу,
Ты битлов слушаешь — не Верди,
Где раньше герцоги, там смерды...
Смотрю, балдею и ворчу.

2

Италия, тебе чужим я стал,
Обрызганный суровой Невою,
Осмеянный надменною совою,
Измученный *par femme fatale*,

Косые на себе ловлю я взгляды:
«Ты кто такой? Зачем тревожишь нас?
Не нужен нам твой северный Парнас!»
Подругами мне ныне лишь менады...

ИЗ ЦИКЛА «Я ПОМНЮ»

1. Венеция героическая

Я помню Брагадино¹, преданного дожу:
С османами, которых — сонм,
На Кипре молодцом сражался он,

Алессио Гаспари — гетероним эстонского поэта и прозаика Калле Каспера. Родился в 1952 году в Катанье (Италия). Каспер автор шести сборников стихов на эстонском, два из которых переведены на русский язык Алексеем Пуриным и изданы в Санкт-Петербурге («Песни Орфея», 2018, и «Ночь — мой божественный анклав», 2019). Переводы стихов Каспера печатались в журналах «Звезда» и «Новый мир». Он двукратный лауреат премии журнала «Звезда» (повесть «Уроки Германии», 2005, и роман «Чудо», 2017). «Чудо», написанное по-русски, вошло в длинный список последнего Русского Букера (2017) и в финал премии Гоголя (2019). Каспер также автор эпопеи «Буриданы» в восьми томах, рассказывающей обо всем XX веке. В журнале «Нева» ранее изданы роман Каспера «Ода утреннему одиночеству» (2006) и эссе «Призрак в литерной броне» о творчестве Алексея Пурина. Его первый сборник стихов «Вместо мавзолея» был опубликован в прошлом году в издательстве «Литрес» на авторской странице Калле Каспера. Живет в городе Реджо-ди-Калабрия.

¹ Маркантонио Брагадино (1523–1571) — командир венецианского гарнизона на Кипре, убитый после пыток османами.

Когда живьем с него сдирали кожу,
Смотрел с презреньем турку прямо в рожу.

И помню Сарпи², жертву преступленья:
Не пожелал принять он позу «ниц».
Пред папой. Выслали убийц —
Но выжил, хоть лишился зренья,
И продолжались в храмах песнопенья...

И помню самый я конец анналов...
Шел на Венецию Наполеон,
Шел с пушками — непобедимый он.
И сдался город карнавалов,
Чтоб красоту спасти каналов.

2. Венеция подлая

Я помню Карманьолу³ возле плахи,
Понурившийся, старый кондотьер,
Жальчайшей участи пример.
Топор уж наготове... Взмах, и
С пьядетты разлетелись птахи.

Речь Коллеоне помню, в вежливой манере:
— Вот мое золото, вот документ,
Пусть на Сан-Марко ставят монумент! —
Свое он получил, увы, не в полной мере,
Гарцует на коне в другом сестьере.

И помню день, позорный до предела,
Когда мы Данте⁴ отправляли в путь,
О безопасности не думая ничуть.
Пошел болотами — зараза подоспела,
И в трауре страна вся онемела.

ПЕЧАЛЬ

1

Свою Печаль забыл я на причале,
Стоит одна, обнажена, несчастна,
Иллюзиям умеренно подвластна,
И думает о девственном начале,

² Паоло Сарпи (1552–1663) — венецианский теолог, одновременно ученый-коперниканец. Вступил в теологический спор с папой Павлом V по поводу интердикта, наложенного на Венецию, после чего подвергся нападению со стороны наемных убийц.

³ Карманьола (1390–1432) и Бартоломео Коллеоне (1400–1475) — известные кондотьеры на службе у Венецианской республики.

⁴ Данте прибыл в Венецию в качестве посланника Равенны (1321), к нему относились холодно, не дали сопровождающих на обратный путь, он пошел сам болотами, заразился и умер.

О том, как обнимались мы в рассрочку
В любое время дня и года,
И в честь помолвки и развода
Как винную катили бочку

На Геликон — и то в печали,
Без повода и без причины,
А потому, что мы едины,
И как друг друга утешали.

2

Потом надолго мы расстались,
Мы разонравились друг другу,
Я верную нашел супругу,
Улыбки мне легко давались,

Печаль же сблизилась, не знаю,
С кем именно, но с кем-то точно
Делила в том числе и ночь, но
Я ее не обвиняю:

Всем острые желанны чувства,
Души чтоб полость пронизали,
Но в глубине не застревали,
Не вызывая безрассудства.

3

Потом мы снова вместе, вместе!
Стоим в обнимку на причале,
В глазах слезинки у Печали...
И вдруг — курьер. Дурные вести —

Я мчусь, Отчаянье со мною,
Печаль стоит, ветрам подвластна,
Стоит, обнажена, несчастна.
Позор мне, мерзкому изгою!

С Отчаяньем мы не расстались...
Печаль искал, искал повсюду —
Увы... Ее я не забуду,
Мы с ней навеки побратались.

* * *

Кто-то по памяти стукнул меня кочергой —
Зазвенело, заискрилось, возникли картины:
Идет Цезарь, бормочет: «Сеноны, морины...»
Рядом Клеопатра, с одной серьгой,

Зато огромной — словно здоровый кулак,
Зеленого цвета, вроде из изумруда,
Растолстела, полногруда,
На ногтях — разведенный из крови лак...

Потом просыпаюсь — след кочерги на лбу,
Цезарь сидит за столом, пишет «Записки»,
Клеопатра в постели дует виски,
А за окном Дзержинский затеял пальбу.

СИБАРИС⁵

Сибарис, Сибарис, где твои петухи?
Ты их изгнал — спать хотелось долго.
Или историей ты оболган?
Убиты твои поэты, пропали стихи...

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА

1

Жизнь стала слишком безопасна,
Лишь поле перешел, и старость на дворе,
И не явился Магомет к горе,
Хотя казалось, что гора — всевластна.

Приходится участвовать в игре
И ежедневно повторять: «Напрасно!»
Жить стало слишком неопасно,
А Магомет все не идет к горе.

2

А можно мне немножечко уюта?
Совсем чуть-чуть, щепоточку буквально,
Нет-нет, не требую, тем более нахально —
Я только-только вышел из приюта.

Там много нас, на всех одна каюта,
Кают-компания — звучит банально,
Но я не требую — тем более нахально,
А лишь прошу — немножечко уюта.

⁵ Сибарис — город в Южной Италии, на территории, которая раньше называлась Великая Греция. Основан в 720 году до н. э., уничтожен соседним Кротонем в 445 году до н. э. Его жители, сибариты, остались в истории как пример изнеженных, любящих роскошный образ жизни людей. Существует легенда, по которой они вывели за пределы города кузнецов и других представителей «шумных» профессий, а также петухов, чтобы они не мешали им спать.

3

Сегодня вороны летают низко,
А почему, сказать я не умею.
Такой вопрос я задал бы пигмею,
Но их страна находится неблизко.

А ты — недалеко, так оглянись-ка!
Украсил абрисом твоим каменю...
Я мог бы подарить ее пигмею,
Но вороны летают слишком низко.

4

Я дом наш заполняю бредом
И вместо мебели, и вместо безделушек,
И вместо — кстати — кошек.
От вони их поссорился с соседом.

Коллега накрывал мерзавок пледом,
А мне они милы лишь как игрушки.
Но стал бы наводить на кошек пушки?
Не думаю. Но дом заполню бредом.

ИЗ КУЧАКА⁶

1

Мне храмом грудь мерещится твоя,
Два купола изящных над собором,
Впусти меня — не будь ты крохобором,
Молитвы в церкви сей нас упоят.

Я знаю, что я молод, неуклюж,
Но выделяться буду я стараньем,
Так дай твоим мне насладиться зданьем —
Я обовью его, как плющ.

2

Сними сорочку, покажи свой клад!
Не бойся, нет нигде имама.
Два благоухающих шамама —
Сестрицы две моих услад.

⁶ Наапет Кучак — великий армянский поэт, точные сведения о времени рождения и смерти которого отсутствуют. Раньше считалось, что он жил на рубеже XV—XVI веков, однако в последнее время стали эти даты подвергать сомнению; очень может быть, что на самом деле он творил века за два до этого.

Я первый? Прямо как Колумб,
Открою землю, полную сокровищ;
А может, и чудовищ?..
Свернуть? Нет, ни на румб!

3

Как изумруд твои глаза,
Рубином отливают губы,
Белы твои, как жемчуг, зубы,
А плачешь — как алмаз, слеза.

— Слов допила твоих вино,
Иди быстрее в мои объятия,
Меня целуй, рви в клочья платье —
Нам мало времени дано.

4

Мне исповеди незнаком обряд,
Заметив храм, шагаю мимо,
Мне богомолье нелюбимо,
Как и священника наряд.

Иная вера мне мила:
Твоей груди я слал молитвы,
Я за нее бросался в битвы,
И плоть твоя иконой мне была.